

Критика и библиография

Пять книг о Маяковском

Десятая годовщина со дня смерти В. В. Маяковского, широко отмеченная в апреле прошлого года, послужила толчком для создания целого ряда научно-исследовательских и художественных произведений о поэте. Многие мемуаристы, авторы биографических повестей и исследований наибольшее внимание уделяют дореволюционному периоду жизни и творчества Маяковского, тащат читателя к истокам футуризма, к Бурлюку и «Бродячей собаке», к великому речетворцу Хлебникову и знаменитой желтой кофте.

Литературная биография Маяковского рубежом 1917 года делится на две неравные части. Дореволюционные произведения, написанные им в течение 5 лет, занимают в его собрании сочинений меньше одной десятой части, остальные 13 лет — самой производительной и успешной работы протекали в послереволюционное время, в условиях советской власти. Именно в этот период Маяковским написаны самые крупные и замечательные произведения, решены самые интересные и важные проблемы.

Исходя из определения товарища Сталина о том, что «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», писавшие о Маяковском должны были бы подавляющую часть внимания обратить на послереволюционный период его жизни и поэтической деятельности.

Книга В. Катаняна «Рассказы о

1) В. Катанян. «Рассказы о Маяковском», Госиздат «Худож. литература», М., 1940 г., стр. 325, ц. 6 р. 50 к.

Маяковском»¹⁾ главным образом и повествует об отдельных эпизодах жизни поэта в наше, советское время. Изложенная сухим, почти протокольным языком, она напоминает скорее не рассказы о Маяковском, а подстрочные комментарии к его стихам. Слишком много и неумеренно автор пользуется цитатами, ссылками на источники, документами, письмами и высказываниями современников, сведениями, почерпнутыми из третьих и четвертых рук. Например, описание встречи мастеров двух литературных поколений (Бальмонт, Белый, Иванов и футуристы — Маяковский и другие) дано со слов Н. Асеева, которому об этом когда-то рассказывал Д. Бурлюк. Скудное рассуждение автора о сонете Бальмонта, посвященном выступлению Маяковского, и записанном по памяти Бурлюком, было сообщено автору Н. Асеевым и сверено им с замечаниями П. Антокольского.

Личные воспоминания В. Катаняна о поэте, занимающие всего несколько страниц, слишком мелочны, чтобы принести какую-либо пользу для читателя. Катанян вспоминает о том, что не однажды видел Маяковского гуляющим «в свое удовольствие» по московским улицам. Часто он приходил к нему, Катаняну, в гостиницу и долго просиживал у окна, наблюдая за пешеходами. Ничего существенного от этих встреч не сохранилось у автора воспоминаний, если не принимать всерьез его многозначительного сообщения: «Я знаю, что значат строки из его стихотворения»:

«Люблю Кузнецкий (простите грешного!),

Потом Петровку, потом Столешников».

Несмотря на обилие недостатков, в книге В. Катаняна имеются бесспорно интересные главы: «Две встречи с Бальмонтом», «Переписка с чиновниками», о дружбе Горького с Маяковским — «В них что-то есть», «Они свое, а мы свое» и др.

В главе «Сталинские лозунги» автор разрешает серьезную тему, имеющую огромное значение для выяснения политической направленности поэзии Маяковского. На ярких примерах Катанян показывает, как речи товарища Сталина, его указания, выражения партийных резолюций служили непосредственным импульсом для творчества Маяковского, поэтически преображаясь, входили в текст его стихов.

Гораздо богаче и содержательнее воспоминания В. Каменского²⁾.

Живо и своеобразно рисует он образ дерзавшего молодого поэта, который «не знал ни минуты покоя. Бушевал, как пламя на ветру», мужественно и решительно проносил свое новаторство сквозь хохот, свист и пиканье литературной обывательщины, вдохновенно произносил речи и агитационные стихи, полные большевистского пафоса и горячего призыва — твердой поступью шагать по дороге социалистической революции.

На протяжении многих лет автора связывала с Маяковским большая дружба. Вместе с ним и Д. Бурлюком Каменский участвовал в первых публичных выступлениях футури-

2) В. Каменский — «Жизнь с Маяковским», М. Гослитиздат, 1940, стр. 212, тир. 5000. Ц. 5 р.

стов, в их многочисленных поездках по русским городам. Маяковский об этом времени лаконично записал в своей автобиографии: «Ездили Россией. Вечера. Лекции. В Николаеве нам предложили не касаться ни начальства, ни Пушкина. Часто обрывались полицией на полуслове доклада».

Свои воспоминания Каменский дополняет удачно подобранными документальными материалами (газетные отчеты о футуристических выступлениях и пр.). Автор хорошо знает Маяковского и в личной жизни. Он, например, интересно рассказывает о первой, неудачной любви Маяковского, послужившей биографической канвой для поэмы «Облако в штанах».

В некоторых данных, сообщаемых Каменским, встречаются неточности. Так, он говорит о том, что, будучи знаком с Горьким, в Петербурге представил ему Маяковского. По свидетельству жены Горького — М. Ф. Андреевой, эта встреча произошла в Мустамяках осенью 1914 года и лишь в начале 1915 года с Горьким познакомились Каменский и Бурлюк. Сам Маяковский в автобиографии отметил: «Поехал в Мустамяки. М. Горький. Читал ему части «Облака». Расчувствовавшийся Горький обидел меня весь жилет. Расстроил стихами. Я чуть загордился».

Каменский рассказал о своем личном друге и поэте с подкупающей искренностью и правдивостью многое, мимо чего прошли другие мемуаристы, в частности, автор книжки «Маяковский и его спутники»³⁾.

В распоряжении автора этой книги Спасского меньше фактического материала, так как его общение с

3) С. Спасский — «Маяковский и его спутники», Воспоминания. Л. «Советский писатель», 1940, стр. 159, тир. 10.000. Ц. 3 р.

поэтом не было постоянным и систематичным. Поэтому образ Маяковского не занимает в его воспоминаниях центрального места. Мы только изредка видим поэта. Он то появляется, то вновь исчезает. Во время его «отсутствия» автор подробно останавливается на характеристике других представителей литературы того времени. Наблюдая Маяковского со стороны, как рядовой участник его выступлений, Спасский удачно подмечает индивидуальное своеобразие Маяковского, выделяющее его из круга ближайших друзей и единомышленников.

За внешним спокойствием, веселостью поэта он сумел ощутить прищипывающий Маяковскому, как художнику, трагизм, сумел передать это ощущение во всей полноте и конкретности. Описывая выступление молодого Маяковского в Тифлисе, Спасский говорит: «...В тот вечер он читал «Тяну» Северянина, придавая этой пустяковой пьесе окраску трагедии. И вообще непонятный, ничем необоснованный, опровергаемый его молодостью, его удачливой смелостью, но все же явно ощутимый трагизм пронизывал всего Маяковского. И, может, это и выделяло его из всех. И так привлекало к нему».

Спасский создал выразительные, ярко зарисовки современников Маяковского. Как живые, предстают перед читателем Брюсов, Хлебников, Сологуб, Бальмонт, Северянин. Общие литературные описания даны автором рельефно, полно и убедительно, с чувством меры и необходимости.

В книге В. Шкловского «О Маяковском»⁴⁾ этот важный принцип отбора материала не соблюдается.

4) В. Шкловский — «О Маяковском», М. «Советский писатель», 1940, тир. 10000, стр. 223. Ц. 4 р. 50 к.

Шкловский густыми мазками рисует фон, окружение поэта, среду и условия, в которых поэт жил и работал. Но фон так уплотнен действующими лицами, что фигура поэта отходит на второй план. Автор часто предается личным воспоминаниям и, описывая все относящееся к нему самому, в меру необходимости говорит о Маяковском. Увлекаясь зарисовками, разговорами, не относящимися к Маяковскому, Шкловский в порыве увлечения забывает поэта и свою прямую цель. Основной недостаток его книги заключается в том, что он, пространно рассказывая о Бурлюке, Хлебникове, Брик, Крученых, по сути дела видит в них источник пафоса и мощи великого революционного поэта. Формирование Маяковского, как революционного поэта, его борьба со старыми литературными канонами, ненавистными ему представителями салонной литературы, поиски новой формы, новых приемов творчества, не показаны Шкловским или показаны крайне скупо, лаконично, на ходу брошенными фразами, слишком общего содержания, вроде: «Он был отдельный, измученный, трагический, веселый, громкий».

Также обще и неубедительно говорит Шкловский о новаторстве Маяковского, реформе, совершенной им в русской поэзии: «Стих Маяковского весь организован. Стих Маяковского в своем развитии разрешает многое в истории русского стиха. Маяковский отказался от силлаботанизма, от счета слогов. Уже Пушкин считал, что будущее русского стиха в русском народном стихе». Или дальше: «Маяковский уничтожил силлаботанический стих, создал новый русский стих. Стих Маяковского крылат...».

Из художественных произведений,

посвященных Маяковскому, особого внимания заслуживает книга Льва Кассиля⁵⁾.

Положив в основу своего «Очерка жизни и работы поэта» уже известную нам автобиографию Маяковского — «Я — сам», Кассиль дополнил ее своими воспоминаниями, материалами, почерпнутыми из мемуаров, статей, записей и рассказов близких Маяковскому людей. Шаг за шагом, красочно и волнующе рассказывает автор о жизни выдающегося человека, о его революционной и литературной деятельности. Учитывая специфику детского мышления (книга адресована детскому читателю), он удачно объясняет особенности стиха Маяковского, при помощи образных описаний создает у читателя представление о рифме, лексике, ступенчатой строке.

Кассиль много говорит об успехах и удачах поэта, о том, как он расправляется со своими литературными противниками. Так было в действительности. Но в действительности было и другое — чувство одиночества, беспрестанная дикая травля, поднятая вокруг Маяковского врагами народа, которая и привела его к преждевременной смерти. К сожалению автор сказал об этом недостаточно полно. Тем не менее перед читателем предстает образ человека замечательных душевных качеств, неслышаемого и настоячивого, мужественного и смелого, нежно любящего и страстно ненавидящего.

Я. СУХАНОВ.

5) Лев Кассиль — «Маяковский — сам», Очерк жизни и работы поэта, М. Л. Детиздат, 1940, стр. 160, тир. 25000. Ц. 3 р. 75 к.